

персона

СКРИПКА

И НЕМНОГО НЕРВНО

Еще ни разу мне не приходилось один на один общаться с талантливым музыкантом, виртуозом. Поэтому я нервничаю: а вдруг какая-нибудь нелепость обидит этого человека, разрушит его мир — тонкий, хрупкий, гармоничный, совсем непохожий на мир обыкновенных людей. Мой собеседник — Карэн Шахгалдян.

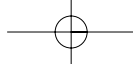
Я родился в семье музыкантов и с раннего детства воспринимал музыку как нечто естественное, необходимое в жизни. В 4 года меня отдали в музыкальную школу. Помню одного своего педагога — чудная женщина. Она работала в оперном театре, куда довольно часто приводила и меня. Я знал практически все спектакли, бегал за кулисы — мне было очень интересно! Это самое важное — когда ребенок занимается музыкой, ему нужны не только знания, но и яркие впечатления, иначе учеба и не приведет ни к чему. Мне в этом отношении повезло. *(Слово «повезло» звучит рефреном на протяжении всего разговора. Складывается впечатление, будто все, что происходило с Карэном — всего лишь счастливое стечение обстоятельств.)*

Поступив в консерваторию, Вы попали в класс к Виктору Викторовичу Третьякову, это тоже случайность?

Не совсем. Еще до поступления я посещал его консультации. Поэтому он меня уже знал, и поступал я именно к нему. К сожалению, уроков было немного — Виктор Викторович часто гастролировал. Но те редкие моменты, когда удавалось встретиться, компенсировали все. Я приходил к нему домой, и мы по несколько часов занимались. Это был интересный творческий процесс. Виктор Викторович удивительный человек, замечательный скрипач, педагог. Я благодарен судьбе за каждый момент общения с ним.

Приглашать ученика в гости — традиция, правило или особое расположение?

Это особенность русской преподавательской школы. Отношения между учеником и педагогом становятся в некоторой степени «семейными» — учеников воспринимают

как своих детей. Существует мнение, что это порождает некоторую «однобокость». На Западе, например, такая модель обучения неприемлема. У них все иначе — есть педагог, у которого ты занимаешься 45 минут в неделю, а все остальное время едешь на другие мастер-классы. «Семейные» отношения тем и хороши, что в любой момент ты можешь рассчитывать на помощь наставника. Многие маститые музыканты до сих пор обращаются за поддержкой и советом к своим старым профессорам.

Совсем недавно я окончил аспирантуру в классе у нашего замечательного профессора Майи Самуиловны Глезаровой. И у нас как раз сложились такие отношения — Майя Самуиловна сказала, что я всегда могу обратиться к ней за помощью.

Майя Самуиловна Глезарова долгое время работала с Юрием Исаевичем Янкелевичем, чьими учениками были Владимир Спиваков, Виктор Третьяков, Леонид Коган, Григорий Жислин. В 1990 г. в память о Наставнике Виктор Третьяков организовал благотворительный фонд имени Ю.И.Янкелевича, который помогает молодым скрипачам, занимающимся у профессоров — продолжателей «Школы Янкелевича».

Практически в любой профессии есть свой секрет. В чем тайна мастерства скрипача?

Тайна? Да нет, наверное, никакой тайны нет. Человек может получить какие-то навыки: овладеть техникой, правильной постановкой, научиться извлекать из инструмента качественный приятный звук. При этом получится хороший среднестатистический скрипач. А то, что может вывести его на другой уровень — это индивидуальность. Думаю, именно в этом заключается и прелесть, и загадка профессии скрипача. Педагог может научить тебя демонстрировать индивидуальность при исполнении, но то, что ты будешь демонстрировать, нужно самому найти в себе. Тогда и собственный стиль появится, и глубокое философское понимание произведения придет.

Попасть к «Виртуозам Москвы» было целью, к которой стремились?

Это было неожиданное и счастливое стечение обстоятельств! Тогда я еще учился на

третьем курсе и только-только вернулся с гастролем по Сибири. Вдруг мне звонят из консерватории и приглашают на двухдневный мастер-класс Спивакова. Владимир Теодорович уже тогда был моим кумиром. Я знал наизусть все записи оркестра «Виртуозы Москвы». На подготовку не оставалось времени, поэтому пришел на мастер-класс с концертной программой. Правда, сыграть все, что хотел, не успел. Владимир Теодорович меня послушал, сделал замечания и предложил прийти на следующий день. А потом он неожиданно пригласил меня к себе в оркестр. Я был просто ошеломлен!

Сейчас опять вернулись к сольной деятельности?

Да. Сейчас мы довольно успешно воплощаем идею репертуарных концертов. Не так давно прошли «Вечера французской музыки». И вообще, планы на этот сезон довольно серьезные — предстоят концерты в Москве, в Швеции, в Америке, в Армении.

Вы чаще говорите «мы» вместо «я».
«Мы» — это кто?

Семья, конечно. Мама, брат, жена. Все домашние мне очень помогают. И хотя у каждого из них есть свои заботы, тем не менее мы занимаемся одним делом. Мы — команда. И меня это очень поддерживает и вдохновляет. *(Самые нежные слова Карэн адресует своим близким. Но особенно трогательно звучит слово «мама» — слово, в котором чувствуется и любовь, и привязанность, и забота, и благодарность...)*

Помните свое первое выступление? Какие эмоции испытывали?

Первое выступление не помню. Но два ярких эпизода опишу. Я еще маленький, мне 5 лет. Вечером предстоит концерт при свечах в музыкальной школе. Мама укладывает меня днем спать, чтобы перед выступлением я отдохнул. У нее очень много дел, и за ними она забывает меня разбудить. Приходится очень быстро собираться. Мама меня одевает и сажает в такси, обещая приехать чуть позже. Я подъезжаю к школе на машине, как большой и важный человек. Концерт. Сцена. Свечи. Я исполняю Баха. И ощущение, что все происходя-

щее — сон. Наверное, тогда я действительно не проснулся. Но это странное, нереальное состояние помню до сих пор.

Второй яркий эпизод. Гастроли в Испании, точнее, в юго-западной Андалусии — на родине фламенко. Концерт окончен. Зал аплодирует. Но как-то странно. И тут мы понимаем, что овации в ритме фламенко!

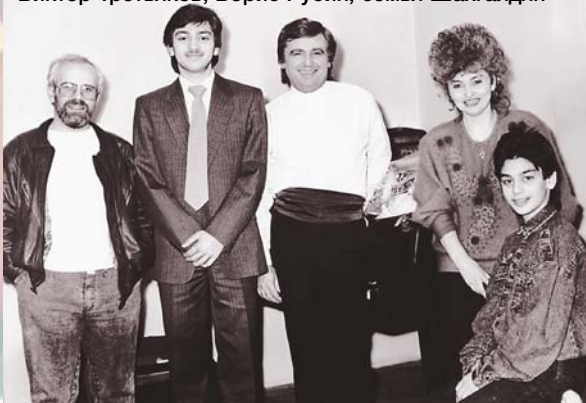
Какая у Вас скрипка?

У меня удивительный инструмент — скрипка Страдивари «золотого» периода мастера. Я счастлив, что играю на ней.

Считается, что скрипки Страдивари звучат как-то по-особенному. Это легенда?

Они не только звучат, но и выглядят совершенно особенно. А красоту их звука может оценить любой человек. Достаточно просто сравнить звучание двух скрипок. И тут даже слух особый не нужен, чтобы почувствовать разницу. Да, был все-таки свой секрет у Мастера. Ведь проводились эксперименты, когда с помощью компьютера с точностью до микронов воспроизводили форму и параметры инструмента, один в один повторяли формулу лака, создавали точную копию, клон. А скрипка все равно звучала по-другому... Недаром, наверное, говорят, что настоящий мастер в свои творения вкладывает душу. И хорошо, если

Виктор Третьяков, Борис Рубин, семья Шахгалдян

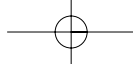

Карэн и Майя Самуиловна Глезарова

8 лет, Малый зал консерватории

персона

Карэн и Яна

при этом у него намерения добрые. Есть история об одной скрипке работы итальянского мастера Гваданини, которая своим владельцам приносит несчастья. Если на ней долго играть, непременно что-то плохое случается. Дурная репутация у инструмента. Хотя сама по себе скрипка хорошая, и звук у нее яркий, мощный. Несколько лет назад мне довелось на ней поиграть, недолго — минут 10. Играю и чувствую: что-то не то, неудобно как-то, неуютно.

ИНФО

Родился 22 декабря 1976 г. в Москве. Первый педагог по скрипке — Розенберг Мария Яковлевна.

В 1983 г. поступил в ЦССМШ при Московской государственной консерватории им. П.И.Чайковского.

1995 г. — поступление в Московскую государственную консерваторию.

1997 г. — становится стипендиатом Международного фонда именных стипендий Мстислава Ростроповича и получает стипендию Давида Ойстраха; в этом же году становится стипендиатом Фонда имени профессора Ю.И.Янкелевича.

1997 г. — играет в оркестре Владимира Спивакова «Виртуозы Москвы».

1999 г. — становится лауреатом Международного конкурса имени Пабло Сарате в Испании.

2000 г. — с отличием завершает учебу в Московской государственной консерватории в классе профессора В.В.Третьякова.

2000–2003 гг. — учеба в аспирантуре Московской государственной консерватории в классе профессора М.С.Глезаровой.

А с Вашей скрипкой никаких таинственных историй не связано?

Таинственных? Наверное, нет. Хотя... все может быть... Очень сложно проследить всю историю инструмента, от момента создания до наших дней. Но знаю точно — на ней играли Давид Ойстрах, Виктор Третьяков, Леонид Коган и другие замечательные скрипачи. Когда осознаешь, что она была в руках таких великих людей, испытываешь какой-то особый трепет, и на исполнении это тоже сказывается.

Как Вы думаете, женщина может быть хорошим исполнителем?

До последнего времени среди исполнителей были в основном мужчины. Но сейчас все так быстро меняется. Появилось много талантливых девушек-исполнительниц, и думать, что мужчина в чем-то превосходит женщину, уже неактуально. Не важно, кто ты — мужчина или женщина, важно, как ты играешь.

У всех музыкантов такие «профеминистические» настроения?

Не у всех. В начале века дирижер Артуро Тосканини на вопрос, почему он не берет в свой оркестр женщин, ответил фразой, которая впоследствии стала крылатой: «Потому что красивая женщина будет отвлекать музыкантов, а некрасивая — мешать мне!» Я понимаю, что это шутка, но все равно с ней не согласен. Не думаю, что когда-то давно существовал «мужской заговор» (кроме кухни и спальни женщину больше никуда не пускать). Тем не менее появление среди прекрасных дам писателей, ученых я связываю с эмансипацией — движением, которое приободрило женщин и позволило храбро заявить: «Я могу!» Искусство всегда немного отставало от жизни. Сначала происходили какие-то исторические события, и только потом они находили отражение в науке, литературе, живописи, и лишь в последнюю очередь — в музыке. И то, что пока нет громких женских имен среди композиторов и исполнителей, лишь вопрос времени. Возможно, через несколько десятков лет в музыке, да и вообще в искусстве, будут звучать лишь женские имена.

Такая вера в женщин с чем связана?

Наверное, с тем, что я не так давно женился. Интересно, но до момента знакомства с Яной мыслью о свадьбе не было. Не то чтобы я являлся воплощением закоренелого холостяка, но довольно долго придерживался высказанной в детстве мысли, что раньше 50 лет не женюсь. И вдруг эта встреча — настолько яркая, внезапная, счастливая, что через год после знакомства мы поженились. Может быть, это не соответствует концепции вашего журнала, но

все-таки думаю, что многие мужчины со мной согласятся — жениться нужно. Просто приходит время, которое где-то кем-то рассчитано, и все вопросы и сомнения рассеиваются сами собой. И дай бог, чтобы в такой момент рядом оказался любимый и любящий человек.

Какое самое яркое свадебное впечатление?

Трудно сказать. Все было невероятно шикарно, и в то же время как-то по-домашнему. Отмечали свадьбу в ресторане «Шатильон», приглашенных было 200 человек — педагоги, друзья, родственники. И всем было весело, интересно, никто не чувствовал себя чужим, «лишним». Но, наверное, самый запоминающийся момент — венчание. На второй день — в воскресенье — в необыкновенно красивом храме Вознесения на Успенском Вражке (здесь находится икона «Взыскание погибших» — та самая, перед которой венчались Сергей Эфрон с Мариной Цветаевой. — Авт.). Честно говоря, я очень волновался и даже немного боялся. Иногда православные службы, а тем более таинства, проходят с излишней театральностью. Наши храмы и так довольно пышные по архитектуре и убранству, дополнительный пафос лишь создает ощущение некоторой неестественности. Этого я и опасался. Но все прошло замечательно. И с батюшкой очень повезло — нас венчал отец Владимир (Владимир Романов), и атмосфера была настолько простая, умиротворяющая, благодатная... Думаю, воспоминания о свадьбе мы сохраним надолго, и это будет один из самых светлых и дорогих моментов в нашей жизни. ■

